

НОВЫЙ САТИРИКОН

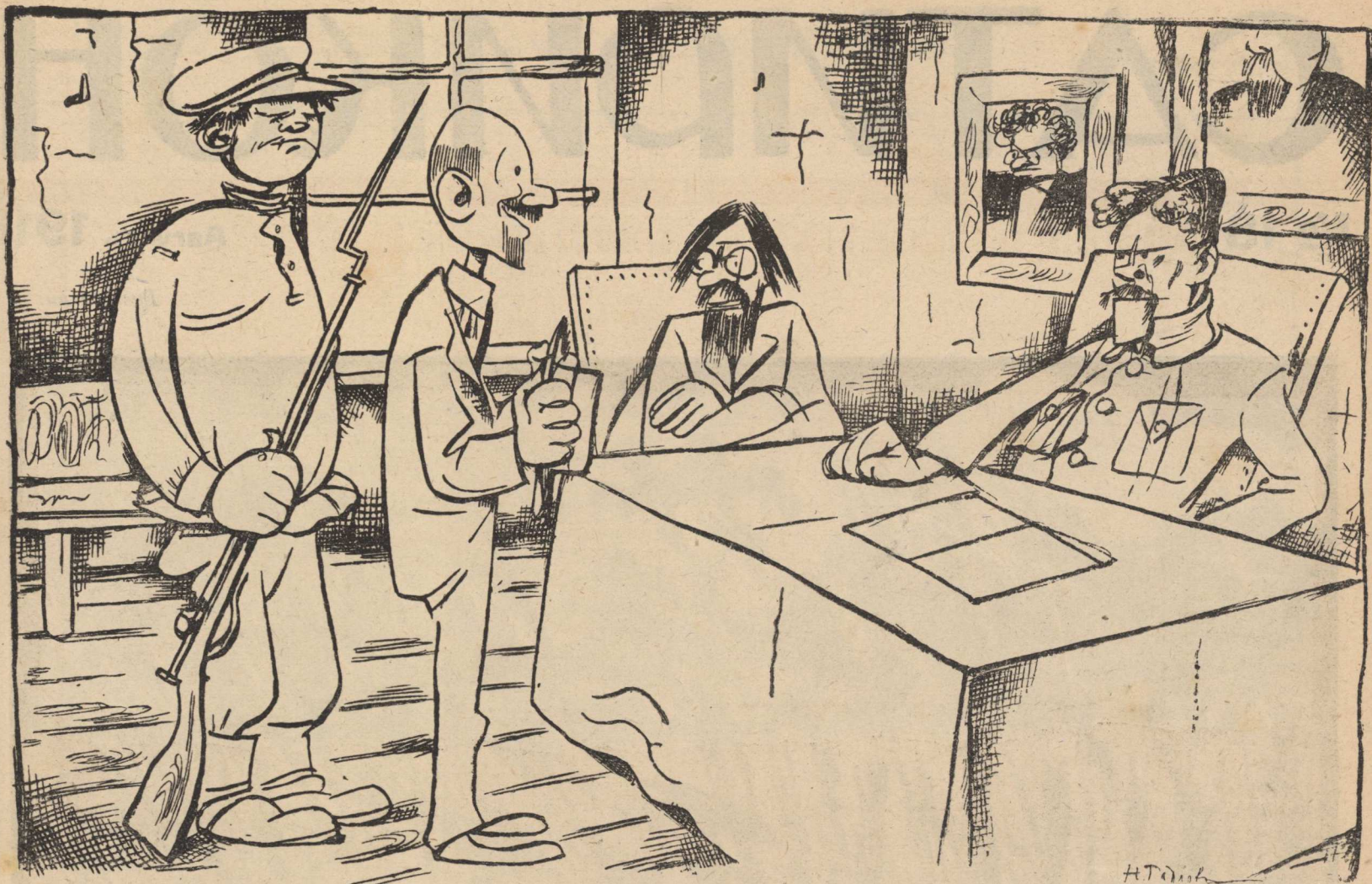
№ 18 ЦѢНА ОТД. № въ Петроградѣ 1 р. 25 к. въ провинціи и на ст. ж. д. 1 р. 40 к. Августъ 1918

Рис. Ре-ми.

ПЫШНЫЙ УРОЖАЙ НА УКРАИНѢ.

„Германцы буквально тонуть въ украинскомъ хлѣбѣ“... (отрывокъ корреспонденціи).

Председатель трибунала:—И такъ, подсудимый, вы приговариваетесь къ заключенію на хлѣбъ и на воду... Я не понимаю, впрочемъ, почему у васъ такое радостное лицо?

Подсудимый (радно)—Помилуйте! Меня сажаютъ на хлѣбъ!

ВЪ ГОРОДѢ ЗЕЛЕНЫХЪ КРЫШЪ.

Базаръ.

На базаръ спѣшите, сосѣдки и сосѣди,
Съ корзинками черезъ руку;
Горы навалены красивой снѣди—
И укропъ душистый и зеленый лукъ.

И спаржа, и рѣпа, и пучки моркови,
О цѣнѣ справьтесь, да не берите сразу,
А удивленно поднимите брови
И прищурьте немного правый глазъ.

Торговецъ пойметъ, что попалъ на доку
Уступить, отпустить и прибавить даже—
Если нищій загнуситъ сбоку—
Не жилься, сосѣдка, подай, уважь...

Повныхъ телятъ молочное мясо,
Быковъ черкасскихъ кострецы и сѣски,
Не жалѣй потерять лишняго часа—
У кого что есть, обойди всѣхъ.

Побольше купи земляники-ягодъ,
Покуда цѣна едва не грошъ ей,
Навари душистаго варенья на-годъ—
Чаишко-то зимой съ вареньемъ хорошъ...

Для сметаны съ собой—гдѣ росписная чашка?
Золотыхъ карасей не взять-ли на ужинъ?
Ежели корзина для самой тяжка,
Такъ на-что-же Федя—посадскій дюжъ?

Федя до-дому донесетъ корзину
На плечахъ придерживая рыжей пястью,
Растянется за мѣдный пятакъ въ резину,
А ты себѣ сзади,—не торопясь...

Посмѣйся воробьинымъ у забора ссорамъ,
Шуму и суетѣ базарнаго люда,
Осѣнись крестомъ передъ бѣлымъ соборомъ
И чередъ обдумай обѣдненныхъ блюдъ...

Валентинъ Горянскій.

РОСТОВЪ на/ДОНУ.

Фельетонъ Лок. Аверченко.

Бдучи въ трамваѣ, услышалъ я у себя за спиной такую фразу:

Какъ говорить русская пословица:

— Кто въ Ростовѣ н/Д. не бывалъ, тотъ горя не видалъ!..
Я быстро оглянулся, и врожденная аккуратность и любовь къ точности заставила меня поправить незнакомца, худого костляваго господина:

— Причемъ тутъ Ростовъ н/Д? Пословица ясно гласитъ: „Кто на морѣ не бывалъ, тотъ горя не видалъ“? Вы путаете.

Костлявый господинъ саркастически покосился на меня провалившимся краснымъ глазомъ.

— Я путаю? А вы въ Ростовѣ были? То-то и оно! На вашемъ-то паршивомъ морѣ легко!.. Ну, поднялась буря, ну, пароходъ далъ течь, ну пошелъ онъ ко дну... Что можетъ случиться съ вами? Въ самомъ худшемъ случаѣ цотонули... Разъ, два, три—и готово. Ни хлопотъ, ни разговоровъ. А вотъ вы скажите: васъ когда-нибудь къ стѣнкѣ приставляли?

— Зачѣмъ?—удивился я.—Что я шкафъ, что-ли?

— Ага! Такъ и нечего лѣзть съ замѣчаниями, если вы не шкафъ... А меня, голубецъ мой, шесть разъ къ стѣнкѣ приставляли!..

— Кто?—недоумѣнно спросилъ я.

— А всякій, кто въ Ростовѣ входилъ—тотъ и приставлялъ. Посчитайте сами: большевики, казаки, опять большевики, бѣлогвардейцы, опять казаки, нѣмцы—да всѣхъ

развѣ упомнишь! Вы знаете, какая-токая наша жизнь была въ Ростовѣ?!

— Какая?

— Такая! Вотъ я вамъ разскажу. Предположимъ, вы православный...

— И предполагать нечего. Я—православный.

— Тѣмъ лучше. И вотъ вамъ, скажемъ, 35 лѣтъ и вы все православный, православный и православный. И вдругъ приходитъ человѣкъ и говоритъ: если ты не будешь соблюдать Рамазана, Курбанъ-Байрама, не будешь брить башку и дѣлать намаза—я тебя сейчасъ же къ чертямъ собачьимъ разстрѣляю! Чтобы вы сдѣлали?

— Не могу себѣ представить такого случая,—уклончиво усмѣхнулся я.

— Не можете? А такой случай можете представить, что только вы обрили голову и отпраздновали Курбанъ-Байрамъ, какъ приходитъ этакій ксендзъ Кржепршездѣцкій и заявляетъ: „если ты сейчасъ же не отrostишь на головѣ волосы и не пойдешь до костелу, то я тебя, пся кровь, къ стѣнкѣ приставлю, да и тово!.. А тутъ, только что я до костелу пошелъ, встрѣчаетъ меня Мошка Халамейзеръ и кричитъ: „Ой, такъ онъ еще паршивый католикъ!! Или ты переходишь въ нашу прекрасную іудейскую религію или я тебя къ стѣнкѣ!“ Можете вы представить такое положеніе русскаго человѣка?

— Ничего не могу представить,—серьезно сказалъ я.

— Не можете?! А это вы можете представить, что я за эти семь мѣсяцевъ въ Ростовѣ поочередно долженъ былъ сдѣлаться: большевикомъ, казакомъ, опять большевикомъ, бѣлогвардейцемъ, нѣмцемъ, чортомъ и дьяволомъ! Я человѣкъ русскій и хочу быть русскимъ, а вмѣсто этого большевики входятъ въ городъ—и я долженъ быть большевикомъ, нѣмцы—и я нѣмецъ! Хорошо, что негры еще не входили... Ну, какъ бы я сдѣлался негромъ?!

— Чего же они отъ васъ требовали?

— А чортъ ихъ разберетъ! Прежде всего—ориентации. Сорокъ лѣтъ я былъ русскимъ человѣкомъ, жилъ въ русскомъ городѣ, говорилъ по-русски... Вдругъ—ты, говорятъ, большевикъ! Что значитъ большевикъ? Интернаціональ, говорятъ, признаешь? Въ Циммервальдѣ вѣруешь? Никакого я вашего собачьяго Циммервальда и знать не хочу. Ахъ, не хочешь? Къ стѣнкѣ! Нѣмцы вошли—требовали, чтобы „гохъ“ кричать. Отчего, говорятъ, у тебя лицо печальное? Да я, можетъ, пессимистъ, у меня, можетъ, жена сбѣжала... Нѣтъ, говорить, это ты, навѣрное, потому, что Брестскаго мира не признаешь! А, согласитесь сами—что мнѣ его признавать: безъ меня меня женили. А затѣмъ, кромѣ ориентации, и расходы тоже...

— Какіе же расходы?—недовѣрчиво спросилъ я.—Вѣдь въ Ростовѣ, говорятъ, жизнь дешевая!

— Тю на васъ! Дешевая... Жизнь то дешевая, да я на цвѣты, все таки, половину своего заработка тратилъ!..

— На какіе цвѣты?

— Какіе бываютъ. Сорты-то мы мало разбирали—роза такъ роза, бигонія такъ бигонія, нарцисъ такъ нарцисъ.

Онъ усмѣхнулся горько и жалобно.

— Побѣдителей, вишь, цвѣтами нужно было встрѣчать!.. Ввели такое правило, чтобы при встрѣчѣ побѣдителей въ городѣ—все гражданское населеніе цвѣтами ихъ встрѣчало!!

Вѣрите, на четвертомъ переворотѣ въ городѣ цвѣтовъ не хватило... Лотосы изъ оранжерей скупали! Городское самоуправленіе думало даже карточки на этотъ предметъ первой необходимости ввести... А вы говорите—море! Плевое дѣло ваше море со всѣми его бурями и штормами!

— А вы бы старались больше сидѣть дома,—посоветовалъ я.

— Дома? Пробовалъ! Въ тысячу разъ хуже. Скажемъ, захватили городъ большевики. Ну это дѣйствительно, такая публика, что лучше дома сидѣть. А то такую социализацию разведутъ!.. Ну, сижу. День, два, три... Вдругъ орудейная стрѣльба, ружейные выстрѣлы, радостные крики. Ну, думаешь, значитъ, бѣлогвардейцы верхъ взяли. Выходишь на улицу, идешь въ самомъ радужномъ настроеніи,

«Боже царя храни» насвистываешь. Вдругъ сзади кто-то по затылку—хлопъ! Ты чего, такой-сякой, контръ-революцію высвистываешь? Къ стѣнкѣ хочешь? Позвольте, говорю, да развѣ не бѣлогвардейцы у насъ въ городѣ? Смѣется: кукишь съ масломъ! Были да сплыли! Опять честь имѣю поздравить съ совѣтскимъ федеративнымъ социализмомъ. А на другой день выйдешь на улицу—только свистнешь Интернаціональ—ка-акъ тебѣ свистнутъ! Что такое? Помилуйте, за что? Я т-тебѣ покажу большевистскую музыку разводить! Нашъ генераль этого во какъ не любить. Что же оказывается? Ночью большевики „по стратегическимъ соображеніямъ“ ушли, и въ городъ безшумно и безкровно вступили бѣлогвардейцы... Вотъ тугъ и вертись! И недопоешь—бьютъ и перепоешь—бьютъ.

— Вы опять пословицу не совсѣмъ точно...

— А, бросьте. Съ гимнами мы тоже въ свое время наплакались... Какъ говорить пословица: «и черезъ гимны слезы льются»... Знали мы «Боже царя храни»... Вдругъ—стопъ! Пой «Интернаціональ». Не успѣлъ распѣться какъ слѣдуетъ—кричатъ: а вы почему «Тихій Донъ» не поете, шучи дѣти? А отъ «Тихаго Дона» сразу на Дейчландъ, Дейчландъ юбер аллесь» вы думаете, легко перестроиться?.. Да еще такъ: сегодня чувствительно поешь «Боже царя храни», а завтра вошли большевики и вотъ уже какой-нибудь мерзавецъ изъ сосѣдей лѣзетъ къ нимъ и ехидно шепчетъ на ухо: „а вотъ энтотъ костлявый—черносотенецъ—«Боже царя храни» пѣлъ! Ну, значитъ—и пожалуйте браться!..

* * *

Онъ свѣсилъ устало голову и закончилъ пословицей, по своему обыкновенію, причудливо ее изукрасивъ:

— Семь побѣдъ—ростовцу одинъ отвѣтъ—пожалуйте къ стѣнкѣ!

Аркадій Аверченко.

ЦЕРКОВЬ.

(Сонетъ)

Какъ челюсть мертвая съ корявыми зубами,
Зіяетъ брешь въ израненой стѣнѣ...

Гляжу въ нѣмой оскаль: въ туманной вышинѣ
Летають ангелы воздушными гурьбами;

Подъ ореоломъ съ яркими клубами
Разбитый голубь... Юрій на конѣ...
А византійскій столпникъ въ сторонѣ
Стоитъ суровъ, со сжатыми губами...

Изъ рукъ святителя снарядомъ вырванъ крестъ,
Уперся въ грудь хоругви мѣдный шестъ,
У ногъ валяется чугунное распятъе:

Христось поверженный, съ оторванной ногой...
И сердцу близокъ вновь Страдалецъ дорогой,
Я вѣрую, но... все жъ шепчу проклятье...

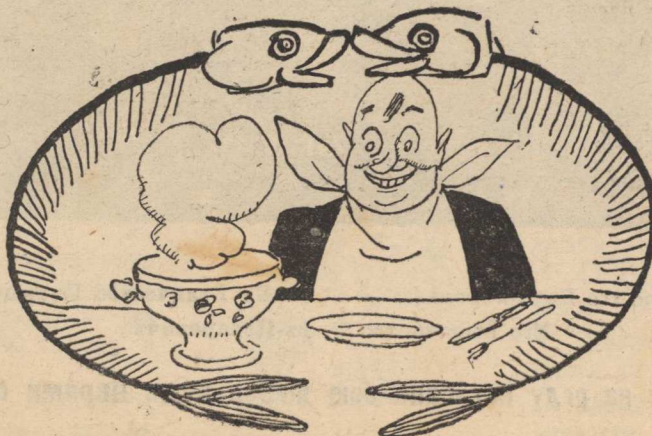
Красный.

ВСЕ ЭТО БЫЛО КОГДА-ТО.

— Былъ сегодня у Тесемкина. Засталъ его въ слезахъ. Плачетъ, а у самого лица такое восторженное...

— Съ чего это онъ?

— Нашелъ, понимаешь - ли, въ газетѣ бѣлое пятно и не выдержалъ! Рыдаетъ и шепчетъ сквозь слезы: „Пойми ты... пойми... вѣдь совсѣмъ, какъ тогда... Гос-споди, совсѣмъ, какъ тогда“...

Его Величество Царь-Голодь.

Ея Величество Царица-Холера.

Его Высочество Тифь-Цесаревичъ.

Неужели, русскому народу на рѣду написано всю жизнь подъ царями быть?..

КОММУНАРЫ КУПАЮТСЯ...

Мой Богъ, что дѣлалось на пляжѣ
Въ самодержавный лѣтній день!
И вспомнить невозможно даже:
Была такая дребедень!—

Въ купальномъ смѣшаны азартѣ,
Эн-эсь, ка-де, эс-эрь, эс-де,—
Внѣ классовъ, циковъ, фракцій, партій,—
Смѣшно барахтались въ водѣ!

И къ „смѣси“ той была привычка,
Никто не видѣлъ срама въ томъ:
Большевики и меньшевичка
Спокойно плавали гуртомъ!..

Была въ загонѣ классовъ мѣрка,
Въ расчетъ не принимался Цикъ,
Съ эс-декомъ юная эс-эрка
Купалась, подымая крикъ.

Какіе, Боже правый нравы!
Какой преступный ералашъ!
Смотрю: эс-эрь выводитъ *правый*
Эс-эрку *твою* на пляжъ!!

И, снявъ одежды,—прямо въ воду,
Хоть въ разныхъ партіяхъ они!
О, я краснѣю за свободу,
Припоминая эти дни!

Теперь—не то: не такъ ужъ дико
Себя купальщики ведутъ,
И свято исполняютъ Цика
Постановленья даже тутъ:

Смѣшенье партій разныхъ? Гдѣ тамъ!
Живучъ партійный интересъ:
Кадетка плещется съ кадетомъ,
Съ эн-эской брызжется эн-эсь!..

Порядокъ есть-ли—идеальнѣй?
Былой системѣ вопреки,
Тамъ—большевицкія купальни,
Тутъ—меньшевицкіе мостки!..

Партійный гулъ стоитъ на пляжѣ,
Купанья „фракцій“—каждый день!
И, надъ купальнями, на стражѣ
Маячитъ Карла Маркса тѣнь!..

Дарвалдай.

МЫСЛИ О ЖИВОТНЫХЪ.

Фельетонъ Тэффи.

1. Каждая скотина была когда то звѣремъ и можетъ вновь имъ сдѣлаться.
2. Звѣрь, поставленный въ культурную обстановку, получающій пищу и позволяющій извлекать изъ себя пользу,—называется скотиной.
3. Скотина, выведенная изъ культурныхъ условій и лишенная пищевого довольствія, дичаетъ и дѣлается звѣремъ.

О дрессированныхъ животныхъ.

1. Никогда не считайте дрессированное животное ученымъ и понимающимъ.
Очень пріятно видѣть, какъ въ циркѣ обезьяна сама управляетъ автомобилемъ. Но это не значитъ, что вы можете пригласить ее къ себѣ въ шофферы и доверитъ ей свою жизнь. Увѣряю васъ, что она никогда не привезетъ васъ куда слѣдуетъ, и на первомъ же поворотѣ разобьетъ голову и себѣ и вамъ.
2. Точно также не доверяйте лошадямъ, отбивающимъ въ циркѣ копытомъ „разъ—

два—три“ и не приглашайте ихъ на кафедру высшей математики.

Толку будетъ мало.

3. Вы слышали собаку, воющую гамму подъ рояль?

Вы говорили: „какъ хорошо!“? Но вы вѣроятно забыли прибавить: „хорошо для собаки“. Потому что съ точки зрѣнія чистаго искусства—это скверно, и если вы, дѣйствительно глубоко наслаждались этимъ собачьимъ пѣніемъ, то никому въ этомъ не признавайтесь.

Несправедливости.

За многими животными у насъ установлена опредѣленная, часто совершенно незаслуженная и несправедливая репутація.

1. Мы говоримъ, что осель упрямъ. Въ чемъ выражается упрямство осла?

— А вотъ колотишь его колотишь, а онъ упрется и ни съ мѣста.

Вотъ какъ? По моему, примѣръ этотъ указываетъ не на упрямство осла, а именно на упрямство его хозяина, который уперся, и во что бы то ни стало заставляетъ осла идти туда, куда ему вовсе не хочется.

Что-жъ: глухой вѣдь всегда убѣжденъ, что всѣ вокругъ него нарочно говорятъ шопотомъ.

2. Несправедливая репутація установлена и за свиньей.

Свинья считается опредѣленно неблагодарнымъ животнымъ. Въ чемъ ея неблагодарность—не вижу. Вѣсть свинья чортъ знаетъ что, вообще не прихотлива—и ухода за собой не требуетъ, а когда ее зарѣжутъ, то вся она съ головы до хвоста идетъ на пользу и потребность. Даже пятачекъ ея рыла съ восторгомъ размѣнивается на керенки.

Въ чемъ же ея неблагодарность?

Вы ей даете кормъ, а она вамъ не отплачиваетъ тѣмъ-же? Но вѣдь вы ее откармливаете для себя-же, а она, если бы стала васъ кормить, такъ ужъ совсѣмъ впустую.

Почему вы не считаете неблагодарной, на примѣръ, индюшку? Слышалъ ли ктонибудь изъ васъ когданибудь отъ нея спасибо?

Почему же мы такъ требовательны къ свинѣ, а другимъ прощаемъ?

Отношеніе къ свинѣ несправедливое и неблагодарное. Получаемъ отъ нея всяческую пользу и ее же ругаемъ.

Это уже свинство.

3. Отношеніе наше къ лошади наоборотъ—глупо—восторженное.

„Вѣрный конь!“ „Умное животное!“ „Благородное животное!“

Кто выдумалъ, что конь „вѣрный“? Нужно быть самому лошадыю, чтобы распустить такой слухъ!

Не знаю, я по крайней мѣрѣ никогда не видала и не слыхала и не читала, чтобы лошадь отъ преданности къ обдѣнѣвшему хозяину отказалась отъ порціи овса или умерла бы отъ горя на его могилѣ.

Лошадиная преданность выражается въ томъ, что лошадь иногда на полѣ сраженія ржетъ надъ трупомъ своего хозяина. Ржать надъ трупомъ вовсе еще не свидѣтельство о горѣ.

Попадая къ новому хозяину, лошадь иногда брыкается, потому что ее раздражаетъ непривычная рука. Старые хозяева склоны брыканье это отнести за счетъ лошадиной любви къ ихъ персонѣ.

Благородство лошади... Абсолютно не понимаю, что подъ этимъ подразумѣвается.

Лошадь не беретъ взятокъ, это вѣрно. Не сплетничаетъ. А корова? Возвеличивая лошадь, вы какъ-бы этимъ самымъ унижаете корову.

Объ лошадиномъ же умѣ даже говорить совѣстно. Такой души, какъ лошадь, не встрѣтишь даже въ человѣческой средѣ.

Почти ни одна лошадь не знаетъ своего имени. Проявленіе ея ума видать въ томъ,— что она соглашается слопать сахаръ или хлѣбъ, который ей предлагаютъ:

— Ахъ какая умная лошадка! Изъ рукъ ѣсть!

Найдите мнѣ такого идиота, который откажется отъ вкусныхъ вещей!

Примѣромъ феноменальной лошадиной глупости служитъ, то, что ни одинъ звѣрь

на человекѣ не налетаетъ не валитъ и не давить его безъ толку.

Ну припомните: давила ли васъ когда нибудь курица, заяцъ, баранъ, черепаха, пудель? Нѣтъ на свѣтѣ животнаго (кромѣ опредѣленнаго нападающаго), которое изъ страха или изъ уваженія не остановилось бы передъ человекѣмъ, уступая ему дорогу. Только дура лошадь претъ напроломъ.

Повѣрьте—я лично противъ нея ничего не имѣю, но надо же быть справедливымъ.

С о б а к а.

Собака умна, вѣрна, преданна. За эти нечеловѣческія качества мы презираемъ ее, и самое имя ея считаемъ ругательнымъ.

Убить собаку считается поступкомъ правильнымъ, общеизвѣстно сравненіе:

— Убью, какъ с-с-собаку!

Собака, вообще, помогаетъ человекѣ, ненаходчивому въ сравненіяхъ:

— Голоденъ, какъ собака. Усталъ, какъ собака (когда собака работаетъ?) Золь, какъ собака, вѣренъ, какъ собака, преданъ, какъ собака.

Говорятъ даже:

Выдаетъ себя за молодого, а самъ,—старая собака.

Старая собака? А знаете? Сколько старой собакъ бываетъ лѣтъ? Максимумъ двадцать. А если человекѣ называютъ старой собакой, то ему минимумъ пятьдесятъ.

Справедливо-ли это?

Дѣти о звѣряхъ и царяхъ.

Когда моей племянницѣ Нинѣ Пановой было пять лѣтъ, она, къ явному ужасу и тайному восхищенію родственниковъ, рассуждала:

— Вотъ орелъ царь птица. А по настоящему, долженъ быть царемъ павлинъ, потому что онъ самый красивый. Ну нельзя. (Она тогда говорила „ну“ вмѣсто „но“).

И дальше:

— Вотъ левъ царь животныхъ. А по настоящему долженъ быть слонъ, потому что онъ самый большой. Ну нельзя. А почему нельзя?

И потомъ заключеніе:

— А потому что царь долженъ терзать своихъ подданныхъ.

И х ъ к р а с о т а.

1. Бабочка! мотылек!

Не правда-ли—красота?

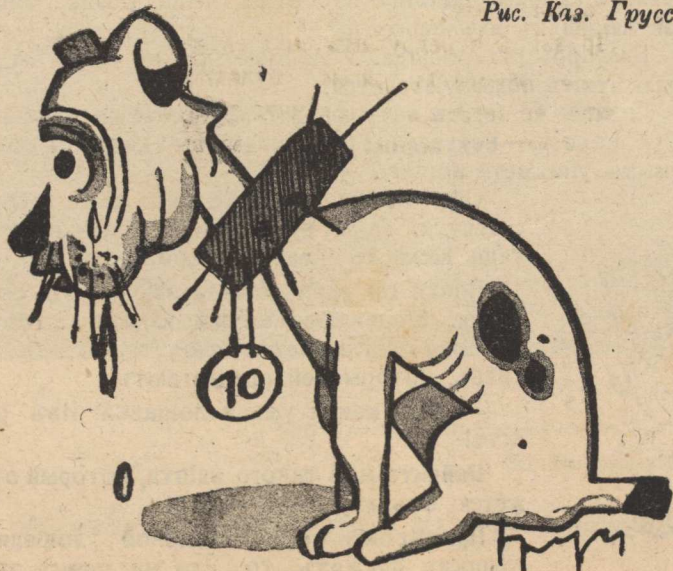
Не правда. Посмотрите подъ микроскопомъ на бабочкину голову. Болѣе зловѣщей хари вы никогда не встрѣтите.

И х ъ п о л ь з а.

2. Чѣмъ хорошъ волъ? Тѣмъ что силенъ и глупъ. Оттого что силенъ—работаетъ. Оттого что глупъ—работаетъ даромъ. Глупость вредна личности, но полезна обществу

Тэффи.

Рис. Каз. Грусса.

У В Л Е К С Я.

На холерномъ митингѣ:

— Товарищи! Въ холерное время пусть всякъ изъ васъ поступаетъ, какъ Пилатъ: моетъ руки при каждомъ удобномъ случаѣ!..

* * *

— Товарищи! Имѣйте ввиду, что холерные вибрионы не выносятъ краснаго вина!

Чей-то искренній голосъ:

— Вотъ идиоты!..

В О Л Ч Ы Й Я Г О Д Ы.

Баллада Шуберта.

Газеты съ непроницаемымъ видомъ сообщаютъ:

При посѣщеніи фельдмаршаломъ Бемъ-Ермоли одесскаго института благородныхъ дѣвицъ съ одной воспитанницей младшаго класса сдѣлалась истерика.

Заинтересованный причиной истерики, генераль, когда дѣвочка успокоилась, спросилъ ее, отчего она расплакалась.

Оказалось, что дѣвочка испугалась, принявъ нѣмцевъ за большевиковъ. Генераль взялъ ребенка на руки, обласкалъ и сказалъ:

— Успокойся, милая дѣвочка, большевики больше никогда къ вамъ не придутъ, скоро у васъ будетъ полный порядокъ и такой же, какъ и ты, маленькій, маленькій царь на престолѣ!

Зналъ хитрый старикашка, чѣмъ побаловать и обрадовать одесскаго ребенка.

Выразилъ ли по этому поводу Чичеринъ кроткій протестъ—неизвѣстно.

Веселые народы.

Кіевъ веселится, какъ можетъ:

Получивъ извѣщеніе о томъ, что б. царь живъ, кіевскіе монархисты распространили по городу особое воззваніе, призывая сочувствующихъ явиться въ соборъ, на молебень за здравіе раба Божія Николая.

Самостійники организовали контръ-демонстрацію.

Когда процессія монархистовъ двинулась къ народу, съ ней пошла толпа украинскіхъ націоналистовъ съ пѣніемъ „ще не вмерла Украина“. Монархисты запѣли „Боже царя храни“, украинцы—„Гопъ мой гречаныки“:

Какъ часть Россіи—Украина была хороша. Эта была, пожалуй, лучшая часть Россіи...

Но стоило Украинѣ сдѣлаться самостоятельной, какъ она немедленно же увѣнчала себя подходящимъ для такого маргаритоваго Государства гимномъ: «Гопъ мой гречаныки»!..

Пляши враже, якъ панъ Вильгельмъ каже!

О нихъ же.

Знаменитые «уманскіе дурни» не унимаются:

10 июля въ Кіевѣ небольшою кучкой мазепинцевъ была отслужена панихида съ демонстраціей по гетманѣ Иванѣ Мазепѣ. Ей предшествовала столь же жалкая попытка части украинскіхъ печати реабилитировать честь Мазепы. Украинское товарищество „Ватківщина“ въ особомъ воззваніи приглашало „всѣхъ, кто родился подъ родной крышей“ на панихиду „на колѣняхъ умолять Бога о прощеніи тѣмъ неразумнымъ, кто не сталъ рядомъ съ великимъ гетманомъ на защиту правъ украинскаго народа“.

Пѣли ли на панихидѣ „уманскіе дурни“ свой національный гимнъ „Гопъ мой гречаныки“ или нѣтъ—корреспондентъ не сообщаетъ.

„Газета „Відродження“ заявила, по поводу Мазепы, что „совершилось чудо“: украинскій народъ отдалъ долгъ своему борцу-рыцарю“. Здѣсь, на площади св. Софіи, изъ устъ тѣхъ, кто два съ половиной столѣтія по приказанію предавали анафемѣ лучшаго сына Украины, впервые услышали мы правдивое слово—слово сердца и души“. „Народное дѣло“ возстановливаетъ, однако, подлинный образъ этого „лучшаго сына Украины“:

„Гетманъ Иванъ Мазепа служилъ и Петру I, и польскому королю Станиславу Лещинскому, и шведскому Карлу XII одинаково лживо и скверно.“

Никогда гетманъ Иванъ Мазепа не думалъ о самостоятельности Украины. Онъ хотѣлъ лишь присоединенія Украины къ Польшѣ. Договоръ, заключенный имъ со Станиславомъ Лещинскимъ, говорилъ о присоединеніи къ Польшѣ Украины съ Кіевомъ, Сѣверцины съ Черниговомъ и Смоленска. Мазепа же за преданіе родного края въ руки поляковъ получилъ не 30 серебрянниковъ, а воеводство полоцкое и витебское и титулъ князя-правителя этими воеводствами.

Ну, нынѣшніе украинскіе Мазепы продаютъ Украину гораздо дешевле.

То ли Мазепы нынче сдѣлались мельче, то ли—подлѣе... Своими средствами.

Быстрая лабораторная работа:

На съѣздѣ совѣтовъ въ Первопрестольной т. Троцкій, докладывая о состояніи красной арміи, заявилъ, что часъ торжества рабоче-крестьянской арміи уже близокъ: не сегодня-завтра Россія увидитъ первыхъ офицеровъ изъ среды рабочихъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—и первыхъ полковниковъ и генераловъ изъ той же среды.

И когда через несколько месяцев токарь Никаноръ Аверьяновъ сдѣлается генераломъ—всѣ сразу и увидятъ—какъ это было легко и просто.

И напрасно прежніе генералы носы задирали.

Трехэтажная война.

Разныя войны мы видѣли, но такой дурацкой войны мы не видѣли:

На евстритовскомъ направленіи, въ Ровенкахъ, появился отрядъ украинцевъ, который собралъ крестьянъ и предложилъ немедленно вернуть все, взятое у помѣщиковъ. Черезъ полчаса пришелъ другой отрядъ гайдамаковъ, который разоружилъ первый отрядъ и объявилъ, что возвращать помѣщикамъ ничего не нужно. Черезъ нѣкоторое время появился смѣшанный нѣмецко-украинскій отрядъ, который открылъ огонь по первымъ двумъ отрядамъ.

Лежала на дорогѣ кобыля голова... Поселилась въ ней сначала мышка-норушка; потомъ лягушка - квакушка...

Но пришелъ нѣмецкій медвѣдь, сѣлъ толстымъ задомъ на кобылю голову и откровенно заявилъ:

— А я васъ—всѣхъ давиш!

Важно для некурящихъ!

Ну, слава Богу! Наконецъ-то секретъ спасенія Россіи открытъ...

И кто же открылъ? Не кто иной, какъ убогая, скорбная головой „Красная газета“...

Кто бы могъ подумать!..

Товарищи,—взываетъ газета,—читайте научныя книжки! Величіе Россіи будетъ зависѣть отъ того, сколько будетъ въ ней расходиться научныхъ книжекъ. А расходиться будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше вы будете читать. Тогда и писать научныхъ книжекъ будутъ больше, значить будетъ больше у насъ ученыхъ людей.

А ужъ понятно: чѣмъ въ Россіи будетъ больше ученыхъ людей, тѣмъ лучше.

Ужъ мы-то знаемъ, какъ съ ними распорядиться...

Примѣръ Шингарева и Кокоскина это доказываетъ.

Настоящія слова.

Борисъ Мирскій говоритъ въ „Вечернемъ Часѣ“ круглая, свинцовая, тяжелая слова — будто пятифунтовой гирей по социалистическому черепу бьетъ:

Потому что много лѣтъ наладъ Марія Спиридонова „хорошо“ убила отвратительнаго реакціонера,—потому эта самая Спиридонова можетъ также хорошо управлять огромной истерзанной страной. Эта странная причинная зависимость выдвигалась почти у всѣхъ эс-эровъ. Потому, что Рутенбергъ мастерски повѣсилъ Гапона,—онъ считается хорошимъ администраторомъ! Потому, что Гоць былъ на каторгѣ—потому онъ политическій дѣятель! Да позвольте,—какая связь между умѣлымъ вѣшаніемъ, бросаніемъ бомбъ, каторжнымъ стажемъ и созидательной государственной работой? Развѣ парижскій палачъ Самсонъ, много послужившей революціи и отрубившій множество контръреволюціонныхъ головъ,—ходатайствовалъ о представленіи ему министерскаго портфеля или депутатскаго кресла?

Что Парижъ... Далекъ Парижъ.

А у насъ палачъ Самсонъ въ лѣво-эсеровскомъ цикъ въ первымъ бы человѣкомъ былъ, и далъ бы по своему значенію Марусѣ Спиридоновой столько очковъ впередъ, «на сколько головъ онъ ея выше».

Рекорды!

До сихъ поръ считалось самымъ труднымъ — украсть Александровскую колонну...

Но мы того мнѣнія, что это легче, чѣмъ украсть изъ тюрьмы рояль:

2 іюля въ комиссариатъ поступило заявленіе объ исчезновеніи изъ корридора женской тюрьмы рояля. Кто и при какихъ условіяхъ увезъ инструментъ, выяснить не удалось.

Въ хроникѣ этотъ сочный эпизодъ долженъ фигурировать подъ заглавіемъ:

— „Наши карманники“.

По Сенькѣ и шапка.

«Петроград. Голосъ» сообщаетъ новость въ 2 строки: Б. ледоколъ „Волянецъ“ переименованъ финнами въ „Шпіона“. Очевидно, по фински это слово, считается весьма почетнымъ.

Довели.

Вы знаете, кто главное лицо въ русскомъ городѣ Одессѣ?

Фонъ-Кельць.

А вы знаете, какъ его титулъ?

— „Императорскій и королевскій губернаторъ Одессы“. Вотъ-те и демократическая республика...

Рис. Б. Антоновскаго.

ПРИБЛИЖЕНІЕ КЪ ИДЕАЛУ.

Дипломатъ:—Рви, рви, нѣмчура проклятый! Еще и лучше: гри волоса на головѣ останется—Бисмаркомъ буду.

РЫЦАРЬ СЪ БОЛЬШОЙ ДОРОГИ.

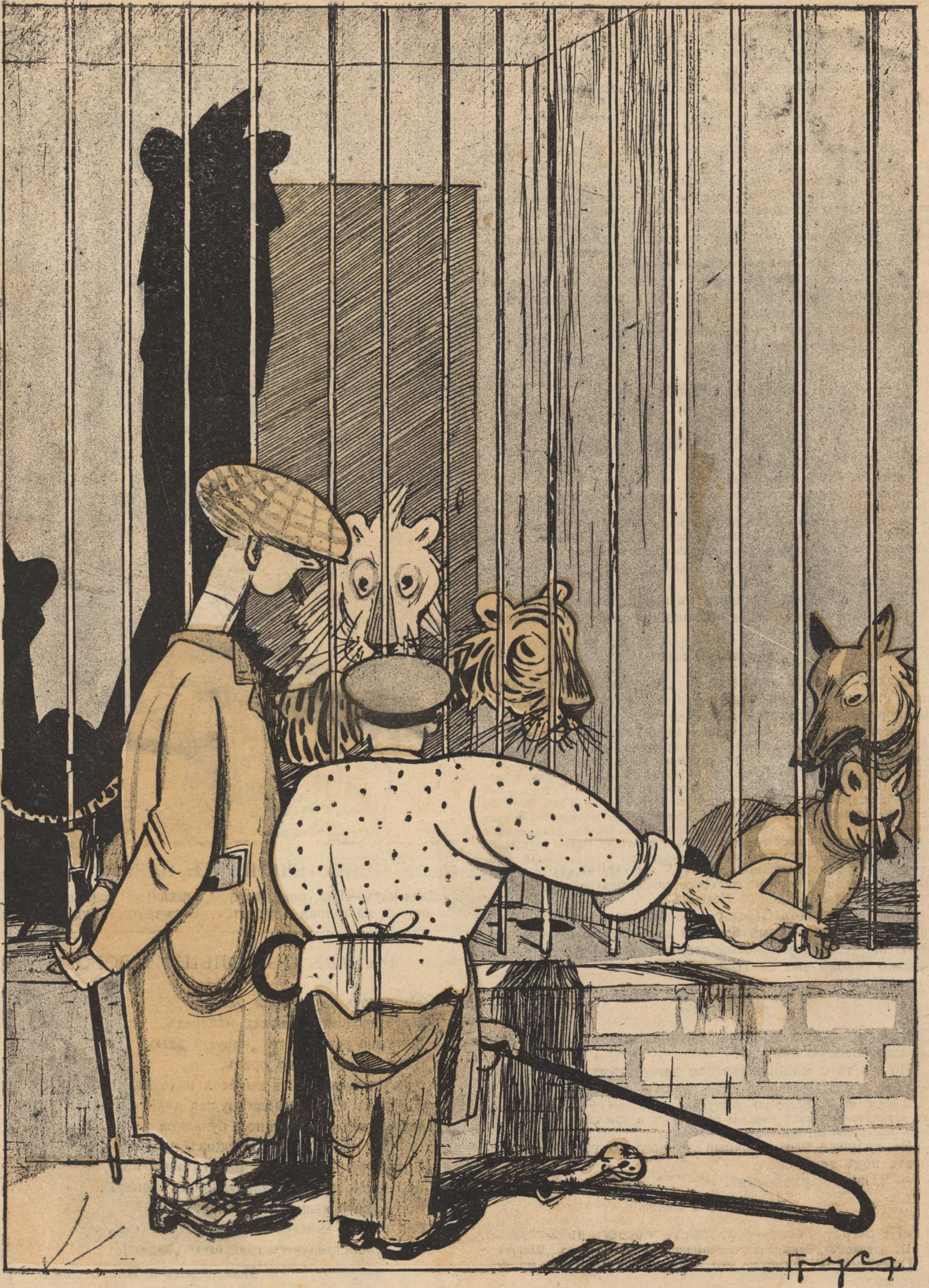
На локоть нацѣпивши орхидею,
Надѣвши шляпу задомъ напередъ,
Мятежно ратуетъ за „новую“ идею,
Заливисто-увѣренно оретъ.
Раскрашенный, какъ вывѣска надъ лавкой,
Друзьямъ и недругамъ внушая дикій страхъ,
Онъ ковыряетъ шляпкою булавкой
Въ уже гнилыхъ и рѣденькихъ зубахъ.
При встрѣчѣ норовитъ подать вамъ ногу,
Изогнутой спиной прильнувши къ фонарю.
Поэзію, что вязнетъ понемногу,
Сей рыцарь выведетъ на торную дорогу,
Гдѣ демонстрируютъ грядущую „зарю“!..

Владимиръ Василенко.

ПОЧТА СОВѢТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

— Агафья, подлая баба! Я тебя просила бросить письмо въ ящикъ, а ты, вмѣсто почтоваго, бросаешь въ мусорный?!..

— Эхъ, барыня... Да вѣдь все равно—и такъ и такъ одинаково не дойдетъ!..

КЛАССОВЫЯ ПЕРЕГОРОДКИ ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

— Скажите пожалуйста, почему это у васъ львы такіе тощіе, а волки и лисицы откормленные?

— Откормленные потому, что мы ихъ по первой категоріи кормимъ—совсѣмъ ручные сдѣлались. А левъ—царь звѣрей—ему четвертая категорія полагается!..

И Л Л Ю З И И.

Въ петроградскомъ ресторанѣ.

— Человѣкъ! Подойдите сюда... Выслушайте меня внимательно—только не перебивайте... Поняли?

— Понялъ.

— Главное, не перебивайте! Ну, вотъ... На закуску къ водкѣ дайте мнѣ маленькихъ растегайчиковъ съ икрой и соусъ изъ бараньей печени съ лукомъ... Ну, тамъ, конечно, провѣсного балыка, царскаго студня. Водку такую: перцовку, хинную и простую подкрасьте пикончикомъ... На обѣдъ дадите щи суточные съ кашей, форель кольчикомъ, филе миньонъ, перепелокъ парочку, ну тамъ спаржу лѣсную или артишокъ... На сладкое—мороженное можно или

кремъ съ каштанами я вотъ тоже люблю... А то блинчики можно съ смородиновымъ или вишневымъ вареньемъ, ну, конечно кофе... Къ рыбѣ дадите легонькаго барзачку посуше, къ мясу можно Мутонъ-Ротшильда подогрѣть, а со сладкимъ я люблю замороженное Брютъ-Американъ. Только пожалуйста, чтобы въ иголочку!.. Къ кофе абрикотину, желтаго шартрезцу или даже кордiаль-медокъ не вредно рюмочку.... Ну, вотъ. Понялъ?

— Понялъ.

— Спасибо, что не перебили. Такъ приятно поговорить... А теперь дайте мнѣ парочку котлетъ изъ конины, картофелинку размѣромъ побольше и бутылку сидра. Да поскорѣй, а то съ голоду издохну!..

Медуза-Горгона.

ИСТОРИЯ ОДНОГО МѢШКА.

Рис. А. Радакова.

1) Пейзанъ:—Чтой-то вы дѣлаете братцы?..

— Изъ мѣшка заимствуемъ... Тебя одѣтъ-экипировать хотимъ, товарищъ!..

2)—Вотъ видишь, мѣшочекъ... теперь пустой—можешь на себя его надѣтъ—экипироваться!

ЛѢТНЯЯ КОЛОМНА.

Вамъ знакома часть города, ко-
торая называется Коломною?...

Гоголь.

Къ какимъ заброшеннымъ картинамъ
Влекутся мысли... Что укроннѣй —
Уютнѣй домика въ Коломнѣ
Съ балкончикомъ и мезониномъ?
Гдѣ легкой уличною пылью
Запорошенныя окошки
Меланхоличный звукъ гармошки
Съ померкшею сплетаютъ былью;
Гдѣ украшенья, какъ ватрушки,
Вѣнчаютъ ставни и колонки:
Онѣ уродливы и томки,
Но цѣнять, любятъ ихъ старушки,
Хозяйки благостнаго склепа,
Далекаго отъ шумной жизни:
Здѣсь вихрь веселія не брызнетъ,
Здѣсь все закатъ, покой, укрѣпа...
Что изъ того, что на Торговой
Незванный гость глухихъ окраинъ,
Вознесся домъ, и всталъ, какъ Каинъ,
Шестиэтажный, злобный, новый...
Нѣтъ,—здѣсь сильнѣе дымъ кадильный,
Хоть не летитъ со льстивой данью
Отъ Покрова—къ высокимъ зданьямъ...
Въ свой сумеречный, въ свой Прядильный,
Идутъ пугливыя старушки.
Устали: день-то былъ базарный;
И ждуть подъ клекотъ самоварный
Монументальныя подушки...
Тамъ, у воротъ, и визгъ, и хохотъ,
Пугливый шопотъ, взглядъ на ставни;
Усы у дворника, какъ плавни,
А въ кухнѣ—торжествуетъ похоть.
И барынинъ покой нарушенъ:
Забыли въ пламенномъ объятьи
Объ акустическомъ проклятьи
Печныхъ извилинъ и отдушнѣ...
Здѣсь все звучитъ такимъ укоромъ:
Вонъ въ пыльной и забитой травкѣ,
Полковникъ старенькій въ отставкѣ
Вселенную объемлетъ взоромъ.
И такъ, спокоенъ звонъ вечерній,
Такъ примирающъ куполъ синій,—
И жизнь не кажется пустыней,
Гдѣ путь чѣмъ дальше—тѣмъ невѣрнѣй...
Ночь. Тишина. Подъ лѣтнимъ небомъ
Чернѣетъ, подпирая стѣны,
Нѣмой, старушечій, согбенный
Хвостъ за продуктами и хлѣбомъ..

Андрей Журавскій.

„БАМБУКОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ“.

За сообщеніе газетами лож-
ныхъ свѣдѣній, сѣюшихъ панику,
газеты будутъ закрываться...
Одинъ изъ декретовъ...

Сначала прибѣжалъ репортеръ Кузькинъ.
— Извините, Василь Василычъ!— сказалъ онъ, — мой
грѣхъ!
— Что еще?— поблѣднѣлъ секретарь, чужа недоброе.
— Далъ я замѣтку о мальчикѣ, который утонулъ, а онъ
негодяй, и не думалъ тонуть! Не смотрите на меня такъ,
Василь Василычъ... Вы сердце у меня внутри переворачи-
ваете! Ударьте ужъ лучше.

Секретарь заскрежеталъ зубами:

— Съ какимъ бы наслажденіемъ я взялъ бы это боль-
шія ножницы, вонзилъ бы ихъ въ вашу идиотскую спину,
да повернулъ бы, повернулъ бы разъ десять!

Вбѣжалъ другой репортеръ Мышкинъ.

— Василь Василычъ!— сказалъ онъ, испуганно вращая
глазами.— Дайте мнѣ по мордѣ!

— То есть... Это для чего же вамъ!

— Да ужъ дайте! Дайте!! Послѣ увидите, что стоило.
Да покруче. Такъ, зуба на три.

Мышкинъ потупился и, покачавъ головой, сталъ сосать
измызанный карандашъ.

— Не было драки? А вы дали замѣтку? А? А чтобъ ты
подавился своимъ карандашомъ, проклятый!! Въ гробъ вы
меня вгоните!!

— То есть оно... драка-то была, только не на базарѣ,
а въ домѣ купца Шестипудова, и не драка, въ сущности
говоря, а крестины шестипудовскаго младенца Карпа, на
которыхъ дьяконъ сказалъ рѣчь о вселенскихъ соборахъ...
Самъ не знаю, какъ напутал!

Секретарь судорожной рукой схватилъ ножницы, но въ
это время влетѣлъ третій репортеръ Рѣдькинъ, въ проти-
воположность своимъ коллегамъ радостный, веселый, улы-
бающийся.

— Господа!— кричалъ онъ еще издали, — могу васъ
порадовать пріятной вѣстью! Нашъ уважаемый артистъ
Малютинъ-Скуратовъ, о которомъ я вчера далъ замѣтку,
что онъ отравился въ трактирѣ Мерзавцева рыбой и по-
ложенеіе его безнадежно—оказывается на пути къ полному
выздоровленію. Завтра встанетъ! Сейчасъ только узналъ.

Секретарь посмотрѣлъ съ ненавистью на его сіяющее
лицо и процѣдилъ сквозь зубы:

— Болванъ!

— Не скажу. Парень онъ недалекій, правда, но зато—
душа общества! Какіе армянскіе анекдоты рассказываетъ...

— Нѣтъ, это вы болванъ!— взвизгнулъ секретарь.—
Чему радуетесь?! Не знаете, что бываетъ за сообщеніе въ
печати ложныхъ свѣдѣній?!

Рѣдькинъ потускнѣлъ, опустил, и его жизнерадост-
ный тонъ, какъ рукой сняло.

Кузькинъ посмотрѣлъ на него и убѣжденно сказалъ:

— Дуракъ ты, Рѣдькинъ!

Мышкинъ постарался быть точнѣе:

— Не столько дуракъ, какъ кретинъ...

Секретарь уже не слушалъ ихъ оживленнаго разговора.
Онъ сжалъ кулаками виски и потомъ рѣшительно под-
нял голову.

— Вотъ что, господа... Мы должны спасать газету!
Есть одинъ способъ...

Всѣ трое обрадовались.

— Говорите! Все равно погибать. На рожонъ пойдемъ!

— Ступайте и сдѣлайте такъ, чтобы ваши сообщенія
соотвѣтствовали истинѣ.

Секретарь многозначительно посмотрѣлъ на репор-
теровъ.

* * *

Кузькинъ велъ за руку босоногого мальчишку, который
во всю мочь визжалъ на какой-то свиетулкѣ, и гово-
рилъ ему:

— Пойдемъ, я тебѣ что-то покажу съ берега.

Мальчишка заинтересовался.

— Може ракъ?

— Тамъ и раки, и рыба—все будетъ. Только пойдемъ
со мной—не бойся.

Мальчишка довѣрчиво шагалъ за репортеромъ, пока
они не подошли къ пустынному обрывистому берегу рѣки.

— Вонъ, видишь! Подъ корягой... Тамъ, дальше!

Репортеръ сильной рукой толкнулъ мальчишку въ
спину. Тотъ мелькнулъ въ воздухѣ босыми загорѣлыми
ногами и, не успѣвъ вскрикнуть, скрылся подъ водой.

Кузькинъ подождалъ, боясь, что онъ выплываеъ, но,
къ счастью, страхъ его оказался неосновательнымъ.

Успокоенный, онъ весело шагалъ по направленію къ
базару.

* * *

Рѣдькинъ преувеличенно радостно вкатился въ номеръ
лежащаго на кровати Малютина-Скуратова и затрещалъ:

— Ну, какъ здоровье?! Поправляешься? Принеси тебѣ
бутылочку вина. Разопьемъ! Для здоровья пользительно.

Онъ налилъ два стакана и, выждавъ, когда актеръ утомленно закрылъ глаза, всыпалъ въ его стаканъ какой-то бѣлый порошокъ.

— Твое здоровье! Поправляйся.

Малютинъ-Скуратовъ привычнымъ жестомъ опрокинулъ стаканъ въ глотку, сейчасъ же выпучилъ глаза и, безъ звука свалился на подушки.

Адская улыбка показалась на мрачномъ лицѣ Рѣдькина.
— Готово!

Подержавъ маленькое зеркальце около рта покойника, онъ облегченно вздохнулъ и помчался на базаръ.

* * *

На базарѣ сошлись всѣ трое.

Дѣйствовали по заранѣ намѣченному плану. Мышкинъ подошелъ къ проходившему пьяненькому мѣщанину и сказалъ ему искусственно возмущенно:

— Какъ вы позволяете, чтобы этотъ негодяй называлъ васъ жуликомъ?

Мѣщанинъ поднялъ свои отуманенные, свирѣпо пьяные глаза и спросилъ, цахмурившись:

— Кто назвалъ?

— Вотъ онъ.

Репортеръ указалъ на извозчика, мирно дремавшего на козлахъ около трактира.

— А—а! Покажу я ему жулика!

Мѣщанинъ подошелъ, осмотрѣлъ критическимъ взглядомъ извозчика и, нацѣлившись ему въ зубы, ударилъ.

Извозчикъ свалился на мостовую.

Это видѣли изъ окна трактира.

Выскочили нѣсколько человекъ и, обрадованные представившейся легальной причиной, навалились на мѣщанина...

Извозчикъ съ трудомъ поднялся, вытеръ кровь съ лица и, подумавъ немного, сбиль кадку съ головы проходившаго мороженщика.

Бой разгорался по всей линіи.

Ликующіе репортеры полетѣли въ редакцію.

Газета была спасена.

Коммунальная власть скрежетала зубами.

Покойный Ома Опиевичъ.

У КНИЖНАГО МАГАЗИНА.

Опять стою передъ окномъ,
И брови сумрачно нависли,
И—волокну за волоконъ—
Пряду безрадостныя мысли.
Пряду и слышу за спиной
Перетасованные звуки:
Иной—тревожень, а иной
Томить печалью жуткой скуки...
Моторъ... Вдыхаю синій ядъ
Перегорѣлаго бензина...
Передъ глазами—стройный рядъ
Знакомыхъ полокъ магазина...
Давно знакомыхъ... Много лѣтъ
Тому назадъ, на этомъ мѣстѣ,
Я зачерпнулъ душою свѣтъ,
И жилъ мечтой о смѣломъ жестѣ.
Какъ и теперь—меня влекло
Въ свои прозрачныя глубины
Хрустально ясное стекло,
Богатой книгами, витрины.
Какъ и тогда—теперь стою,
Какъ и тогда—горю и таю,
И гдѣ-то отклики таю,
И что-то разумомъ читаю...
Увы! Проходятъ времена!

Улыбку жизни видишь рѣже.

Какъ будто, тѣ же имена,

А воспріятія—не тѣ же.

И, даже, отклики—не тѣ:

Душа поблекла и устала,

И кто-то сходить въ темнотѣ—

Нѣмой и строгій—съ пьедестала...

Какъ крѣпко вѣрили въ людей!

Какъ больно жаждали отвѣтовъ

Они—носители идей,

Они—хранители завѣтовъ!

Свѣтла, ясна была имъ Твердь,

И, какъ святые,—чужды страху—

Они принять умѣли смерть

И сдѣлать жертвенникомъ плаху:

—„Палачъ! Мы—свѣтъ! Бери! Туши!

Да станеть ночь темнѣй и глуше!

Но нашимъ пламенемъ души

Зажгутся кованныя души!..“

И эти страшныя слова

Звучали прелестью свирѣли...

И обнажалась голова...

И мы, воистину, горѣли

Неопалимой купиной

И гордо шли на смерть, на муки...

Стою и слышу за спиной

Перетасованные звуки.

Давно когда-то... Много лѣтъ

Тому назадъ на этомъ мѣстѣ

Я зачерпнулъ душою свѣтъ,

И отдалъ брату, какъ невѣстѣ.

Потомъ насталь тяжелый часъ,

Пришла послѣдняя утрата,

И этотъ свѣтъ теперь угасъ

Въ плевкѣ обманутаго брата.

Владиміръ Воиновъ.

БАРСКАЯ ДУША.

— Вы повинность будете исполнять?
— Которую?
— Для холерныхъ могилы рыть.
— Съ какой стати! Я лучше самъ холернымъ сдѣлаюсь. Пусть другіе для меня роютъ!

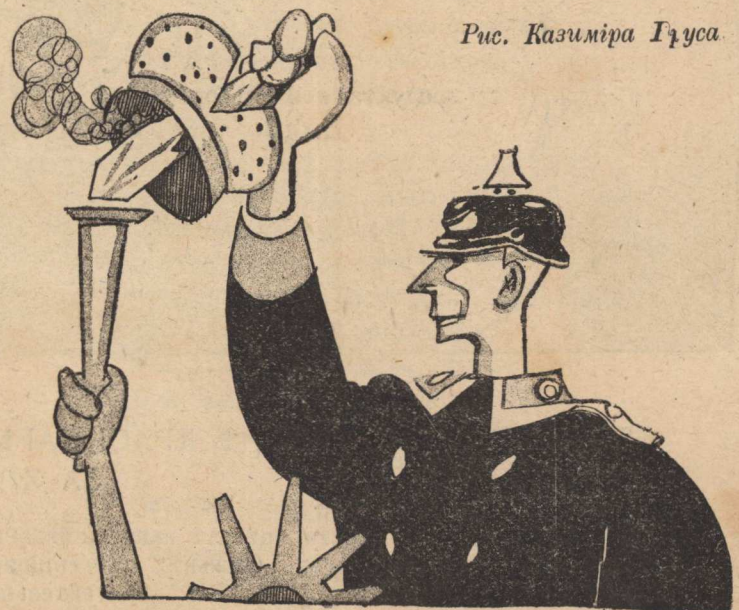

Рис. Казимира Гзуса.

ВСТРѢЧА ВЪ ДЕРЕВНѢ КРАСНОАРМЕЙСКИХЪ ОТРЯДОВЪ, ПРИѢХАВШИХЪ
ЗА ХЛѢБОМЪ.

Отъ редакціи:— Пусть власти оцѣнятъ нашу лѣяльность... Мы не какіе-нибудь Бонди и Пропперъ, которые арестованы за то, что помѣстили въ „Огонькѣ“ тенденціозное изображеніе избіенія крестьянами красноармейцевъ, приѣхавшихъ за хлѣбомъ. Нѣтъ! Мы рисуемъ, дѣйствительно то, что есть на самомъ дѣлѣ... Вотъ.

ВЪ ПЕТРОГРАДСКОМЪ ФАРСѢ.

Зритель:—Странно... Тутъ въ программѣ сказано, что „снимать верхнее платье не обязательно“. Очевидно, это къ актерамъ не относится.

А ВЫ ГОВОРИТЕ: КУПАТЬСЯ!

(Старые, честные куплеты).

— Свобода, свобода пришла,—
Святое, великое дѣло!
Насилій разсѣялась мгла,
И солнце въ глаза заблестѣло!
Какой ослѣпительный свѣтъ!!
— ...Но, солнцемъ пьянящимъ согрѣтъ,
Къ свободѣ не всякъ можетъ рваться,
А вы говорите: купаться!..

— Подъ солнцемъ всѣ люди равны!
Семья человѣковъ—едина!
Предъ ликомъ Свободы-весны
Раба нѣтъ и нѣтъ господина!
Отнынѣ насилью капутъ!!
— ...Въ тюрьму тамъ кого то ведутъ
И будетъ онъ въ ней задыхаться,
А вы говорите: купаться!..

— Я—воленъ! Навстрѣчу лечу,
Я солнцу волшебнаго лѣта!
Я цѣпи раба не влачу...
О, пѣсня невольничья—спѣта!

Скорѣе на югъ, на Кавказъ!!
— ...А есть разрѣшенье у васъ,
Чтобъ въ край этотъ дивный умчаться?
А вы говорите: купаться!..

— Коммуна! Мы знаемъ изъ книгъ,
Что это высокое счастье!
Нѣтъ больше препонъ и веригъ!
Тирановъ прошло самовластье!!
Насталъ упоительный часъ!!!
— ...Есть корочка хлѣба у васъ?
Отъ голода сталъ я шататься,
А вы говорите: купаться!..

— Живемъ мы, какъ въ сказочномъ снѣ!
И тѣни нѣтъ прошлаго злого!
Въ недавно забитой странѣ
Свобода печати!!—и слова!!!
— ...Но... Тссс!.. осмотрюсь лишь вокругъ...
Я—на ухо лучше, мой другъ,
А вслухъ—не рѣшаюсь, признаться...
А вы говорите: купаться!..

Старый драбантъ.

СООБРАЗУЯСЬ СЪ РАЗМѢРАМИ...

Въ магазинѣ:
— Скажите, у васъ есть географическая карточка Россіи?..

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу
новыя изданія книгъ.

Аркадія Аверченко:

„Синее съ золотомъ“.

3-е изданіе.

„Подходцевъ и двое другихъ“.

4-е изданіе.

ИЗЪ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА.

I.

Пастухъ несъ молоко
Куда-то очень далеко...
И больше ужъ назадъ не возвращался...

Читатель онъ тебѣ не попадался?

* * *

Читатель:—Нѣтъ не попадался. Разъ продовольственная
Управа ввела низкую таксу на молоко—что ему за раз-
счетъ попадаться?

II.

— Вы любите ли сыръ?—спросили разъ ханжу...

— Любить-то я люблю,—угрюмо отвѣчалъ ханжа.—Я
и масло люблю, и сахаръ, и яйца—только гдѣ все это до-
стать? Такъ что нечего приставать съ глупыми вопросами.

III.

Донской казачина
Клянется въ любви,
А бѣдный дѣтина
Все тонетъ въ крови...

Читатель:—А, понимаю! Кузьма Прутковъ подразумѣ-
ваетъ здѣсь донского генерала Краснова, распинающагося
передъ нѣмцами, въ то время, какъ Великороссія ведетъ
гражданскую войну.

Племянникъ Кузьмы Пруткова.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Мусь Эфъ.—Объясненіе въ любви, обращенное къ редактору
А. Аверченко, принято послѣднимъ къ свѣдѣнію и зарегистрировано.

Вслѣдствіе отсутствія свободнаго времени и нѣсколькихъ дру-
гихъ причинъ, онъ на ваше чувство не можетъ отвѣтить въ той
мѣрѣ, въ которой это, вообще, дѣлается.

Нарагевъ.—Рядъ умилительныхъ картинъ изъ жизни пернатыхъ
и хладнокровныхъ, позвоночныхъ:

Птичка на вѣточкѣ
въ клѣточкѣ
Бьется.
Рыбка у Кеточки.
Въ сѣточкѣ.
Рвется.

Ваше стихотвореніе находится въ болѣе счастливыхъ условіяхъ:
сейчасъ оно спокойно лежитъ на столѣ, но скоро будетъ тоже
рваться.

Н. Бер—нинову. „Насчетъ сотрудничества у васъ могу сказать,
что у меня вообще, золотая голова“.

Именно какъ разъ, въ этой части тѣла металлъ и не требуется.

Екатериинъ—ин—й.—...Что если бы я попробовала сочинять
стихи?..

А что вы думаете! Ей Богу, мысль.

И годика этакъ черезъ три прямо и катайте ихъ по нашему
адресу.

Д. О. С.—У всякаго поэта есть своя кухня творчества, но не хо-
рошо, когда отъ этой кухни перегорѣлымъ жиромъ несетъ...

Въ саду, гдѣ воздухъ напоенъ душистымъ ароматомъ,
„Гулялъ однажды я съ двоюроднымъ тамъ братомъ.“

Признайтесь, вѣдь „ароматъ“ для „брата“ понадобился? Гуляя
вы со снохою, такъ и воздухъ былъ бы пропитанъ росой... А будь
около васъ шуринъ—такъ и садъ былъ бы ароматами окуренъ.

Если бы намъ, вообще, были нужны плохіе стихи—мы бы лучше
поручали сочинять ихъ своему экспедитору или артельщику.

Пусть лучше свой человѣкъ заработаетъ...

Аве.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ..

Издатель: Т-во „Н. Сатириконтъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

6-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА
на 1918 годъ.

„Новый Сатириконтъ“.

52 №№ обильно иллюстрированнаго | 2 цѣнныхъ премій (бесплатно).
журнала въ краскахъ.
за 12 мѣс. (съ преміями)—30 руб. за 6 мѣс.—15 руб., за 3 мѣс.—
7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88 Тел. 59-07.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

Роскошное иллюстрированное издание

большого формата, въ изящной красочной обложкѣ раб. Миссъ.

А. МЮРЖЕ.

БОГЕМА.

(Сцены изъ „цыганской жизни“).

Цѣна книги 3 рубля.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 5-ти руб. за пересылку не платятъ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко.

Синее съ золотомъ.

Цѣна 4 руб.

Подходцевъ и двое другихъ

Цѣна 4 руб.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

Цѣна 4 руб.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 4 руб.

О маленькихъ для большихъ.

Цѣна 4 руб.

Для выздоравливающихъ.

Цѣна 4 руб.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 4 руб.

Чудеса въ рѣшѣтѣ.

Цѣна 4 руб.

Бор. Мирекій.

Красный репейникъ.

Цѣна 1 руб.

Тэффи.

Неживой звѣрь.

Цѣна 4 руб.

Ничего подобнаго.

Цѣна 4 руб.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Карусель.

Цѣна 4 руб.

Аркадій Буховъ.

Чортово колесо.

Цѣна 4 руб.

Тихія непріятности.

Цѣна 4 руб.

Жуки на булавахъ.

Цѣна 4 руб.

Разговоръ съ сосѣдомъ.

Цѣна 4 руб.

Дмитрій Цензоръ.

Легенда будней (стихи).

Цѣна 3 руб.

НОВОСТЬ.

Поступили на книжный складъ
„НОВАГО САТИРИКОНА“.

НОВОСТЬ.

Въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ

Слѣдующія изданія:

Маркъ Твенъ. Полное собраніе на прекрасной плотной бумагѣ; въ изящныхъ красочныхъ переплетахъ—12 томовъ. Цѣна 40 р. — к.
Отдѣльные законченные томы по 3 » 50 »

Изящныя изданія въ красочныхъ переплетахъ:

Азовъ, Влад. „Цвѣтныя стекла“ . . . 3 » — »
В. М. Дорошевичъ. „На смѣхъ“ . . . 3 » — »
Озаровская. „Мой репертуаръ“ (сборн. монологовъ для сцены) 3 » 50 »
О. Л. Д'Орь. „Рыбы пляски“ 3 » — »
О. Л. Д'Орь. „О сѣренкихъ людяхъ“ . . 3 » — »

Роскошныя изданія для подарковъ:

Экспедиція въ западн. Европу—Арк. Аверченко—иллюстриров. альбомъ больш. форматъ, въ переплетѣ 8 » — »

Всеобщая исторія, въ переплетѣ, иллюстр. (больш. форматъ) 6 р. — к.
Галерея градоначальниковъ города Глухова. 6 » — »
Комплекты журн. „Сатириконъ“ за 1909, 1910 и 1911 г.г. (библиографическая рѣдкость). Въ перепл. за 1 годъ. 25 » — »
Безъ перепл. „ „ 20 » — »
На веленовой бум. въ перепл. 40 » — »

Юрій Бѣляевъ. „Красный кабачокъ“ . . 2 » — »
О. Л. Д'Орь. „Русская Исторія“ иллюстр. 2 » 50 »
Юмористическіе рассказы Л. Андреева и А. Куприна, 2 тома 3 » — »
Сокровища искусства—большой альбомъ пародій на знаменит. произв. иск. . . . 5 » — »
Монографія объ иностр. карриатурѣ—А. Радакова 3 » — »

Высылка книгъ производится по получеvи стоимости заказа.

Книжнымъ магазинамъ—скидка обычная.

М Е Ч Т А Т Е Л И.

Я вѣрю, что на свѣтѣ есть дороги,
Что не истоптаны ногами жирныхъ стадъ.
Надъ ними облако красиво громоздятъ
Изъ пурпура и золога чертоги.

По тѣмъ дорогамъ въ чуждый, дальній край
Спѣшать своей мечты рабы и палладины,
Подъ сумракъ сѣвера, подъ солнце Палестины,
За золотымъ руномъ, въ незримый рай.

Пусть истина ударъ наноситъ мнѣ,
Но знаю я, что не смертельна рана,—
Подъ броней творимаго обмана
Я буду жить мечтой о свѣтломъ днѣ.

Вчера я встрѣтился съ однимъ. Онъ былъ въ камзолѣ,
Со шпагой при бедрѣ, коня онъ быстро гналъ.
Его слова запомнилъ по неволѣ,
Которыя онъ часто повторялъ.

Ты, осень грустная, солги мнѣ о веснѣ,
О справедливости солги мнѣ мечъ разящій,
О вѣрности—твой поцѣлуй манящій,
Тяжелый трудъ—о долгомъ, мирномъ снѣ.

А. Радаковъ.

сх 10/30